

Гегель в России. День сегодняшний¹.

Начать ответ на вопрос, что значит философия Гегеля в сегодняшней России не так-то просто. Хотя бы потому, что философская ситуация у нас вообще достаточно дискретна и не ясна. Она определяется не выходом в свет солидных монографий, претендующих на концептуальное отношение к Гегелю и создающих таким образом атмосферу научной дискуссии, а появлением в библиографических списках авторефератов диссертаций, в основном кандидатских, публикаций различных статей и тезисов в журналах и сборниках многочисленных учебных заведений нашей необъятной Родины. Подавляющей целью этих публикаций является защита тех же диссертаций. В этом, впрочем, не было бы ничего плохого, более того, научная работа всегда предполагает знакомство учёной публики с новыми исследованиями, если бы не одно «но». Круг лиц, прочитавших подобные материалы, оказывается предельно узким, а сами тексты попадают в архив практически одновременно с выходом автореферата или сборника докладов в свет. Максимум, на что может рассчитывать их авторы, так это на то, чтобы название их работ попало в список использованной литературы, составляемый для включения в текст очередной диссертации.

И это далеко не единственная трудность в выполнении обозначенной нами задачи. Дискретность, о которой шла речь, определяется даже не этой внешней разбросанностью и малым сроком существования работ, посвящённых Гегелю. Она вызвана прежде всего отсутствием общей атмосферы научного поиска в данном направлении, не ощущением духа времени, выражение которого всегда было главным призванием философии. Тем более, что речь идёт о мыслителе, более всего и всех сделавшим для преодоления дискретности и взаимоотчуждения жизненных феноменов, для борьбы с бессмыслицей происходящего. Таким образом, уже по самому описанному здесь факту, мы живём если не в «антигегелевское», то «негегелевское» время, что чрезвычайно затрудняет возможность понимания актуальных смыслов гегелевской философии. Напрашивается вопрос, коли Гегель является «не нашим» философом, то кто же тогда «наш»? Об этом так вот, с ходу, сказать трудно без опасности быть неправильно понятым. Замечу только, что просто произнесённое сегодня в студенческой аудитории имя Ницше, способно привлечь к себе гораздо большее внимание, нежели имя Гегеля.

Это, вроде бы, тоже естественная ситуация, ведь Ницше гораздо ближе к нам по времени, нежели Гегель. Однако, данное объяснение не безупречно. Ведь я вряд ли сильно ошибусь, если скажу, что сегодняшний интерес к Платону или

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 12-03-12013
«Информационно-аналитический портал и гипертекстовая электронная библиотека
«Гегель в
России»

неоплатоникам так же гораздо больше, чем интерес к Гегелю. И затрагивает он как раз не только «мужей учёных», знатоков древних языков и текстов на них написанных. Получается, что гегелевская философия с точки зрения степени и характера нынешнего внимания к ней в России образует некий провал между очень далёкими от нас и не очень далёкими временами и именами. И тому на мой взгляд, существует уже в общем-то простое объяснение. Не трудно написать по совету научного руководителя кандидатскую диссертацию о методе Гегеля. Не смотря на то что поле уже изрядно вспахано, такое положение дел может даже способствовать научной новизне работы, ибо кое-что оказывается когда-то сделанным, но «хорошо» забытым и не грех освежить забытое для наших современников. Напротив, достаточно трудно почувствовать сам дух гегелевского учения. Ведь нечто написать о философе, самому не приобщившись внутренне его мысли, значит, по существу не иметь предмета исследования. Для историка философии предмет его занятий есть именно мысль великого мыслителя, которую историк должен схватить, раскрыть её содержание, увлечься им, одним словом понять, исходя из ситуации своего времени.

Почему же более всё-таки понятными и привлекательными сегодня оказываются Платон или Ницше, а не Кант или Гегель? Потому, рискнём предположить, что для большинства людей сегодняшней России, претендующих на некую умственную вменяемость, остаётся совершенно неосвоенным один предмет: проблема Божественной реальности вообще и понятие о ней в том ключе, в котором оно присутствует у Канта или Гегеля. Мы говорим здесь о духе философии. Так вот для нынешнего россиянина оказывается как раз ближе дух платоновского или хайдеггеровского имманентизма, нежели кантовская или гегелевская устремлённость к трансцендентному. При том под имманентизмом мы подразумеваем здесь отнюдь не «ползучий эмпиризм», а в том числе и платоновскую «многоэтажность» сущего, при всей своей грандиозности не делающую отсылки к сверхбытию Бога. Современные попытки самостоятельного философствования в России напоминают железнодорожный маршрут, движущиеся по которому поезда останавливаются только в конечных пунктах назначения. Их пассажир совершенно не подозревает, что же происходит по пути следования и какие пункты маршрута он минует. Но ведь дорога к конечной станции прокладывается именно через эти промежуточные пункты. Они в итоге определяют её конфигурацию. Ведь дорога то строилась от станции к станции.

Если больше уже не прибегать к аналогиям, то вопрос можно сформулировать так: возможно ли понять место Хайдеггера в истории мысли, если мысль Гегеля оказывается по существу не затронутой. Или, насколько доступен нам «аутентичный» Платон и можно ли вообще ставить задачу его постижения вне гегелевского контекста? Есть все основания предполагать, что, вне такого контекста и философия Платона и философия Хайдеггера превращаются в сплошное ускользание от раскрытия своего существа, в повод вести учёный разговор, основной задачей которого оказывается именно уход от настоящего предмета исследования.

При том подобное занятие может быть достаточно интересным: ускользание оказывается сложным, многоходовым, порой интригующим и драматически - увлекательным, украшенным фигурами филологических комментариев, не оставляющих сомнений в глубокой эрудиции ими манипулирующего. Однако на этом занятии с неизбежностью будет лежать тень нигилизма, так как питающий мысль источник её бытия оказывается закрытым. Нигилизм будет торжествовать,

возможно, даже и не только потому о чём мы, собственно, только что сказали. Достаточно уже того, что философия сегодня состоялась как завершённое целое и изымать из этой истории какой-либо существенный момент- уже означает оставлять пробелы, препятствующие пониманию целого. Более того, изъятыми в случае с Гегелем оказываются как раз фрагменты онтологической почвы, что делает дальнейшее философствование её лишённым и потому тяготеющим к бессмысленности.

Но здесь необходимо всё же пояснить, почему мы связываем бытийный момент именно с гегелевской философской системой. И самое время вернуться к её духу. Как уже было отмечено чуть выше, для современного россиянина остаётся совершенно неясной связь философского рассуждения с темой Бога. Если его философские кумиры и поднимают такую тему, то, как бы попутно, мысля в качестве предельных иные смысловые реальности. Ускользание и неопределённость, мифологическая окрашенность такого рода отношения к божественной реальности проявляется и в том, что здесь не столь уж важным оказывается, ведётся ли речь о Боге или о богах. О богах говорить даже предпочтительно. Своим многообразием они создают глубину пространства. Своими взаимными отношениями обогащают конфигурацию и динамику мира. При том в богах легче увидеть только знак реальности, которая стоит за ними, разговор о богах становится тем самым условным или символическим. В мире, где неким образом присутствуют боги, неверующему как стремящемуся ускользнуть от самого себя легче укрыться. Понятие единого Бога имеет гораздо большую смысловую концентрацию. Оно намного определённое и «жестче».

При «богах» всегда находилось место для разнообразия философических мнений. Представление о Боге обязывает к большему единству, большей ответственности и более строгой логической организации мышления. В Боге бытие сосредоточено как в едином начале, а не расплыено по всевозможным спецификациям. Богу, так или иначе нужно служить при полной невозможности сменить господина, так как иных законных господ более не существует. От того в мысли начинает преобладать именно ответственность и критическое отношение мыслящего к себе самому, «страх Божий». С точки зрения «неверующих» -это признак несвободы тех, кто остаётся верен Богу. Но термин свобода употребляется ими здесь совершенно незаконно, так как свобода тоже имеет образ, а те, кого мы именуем неверующими, в силу своего постоянного ускользания от самих себя никакого образа в собственном сознании удержать не способны. Свободе верных они способны противопоставить только ускользание, смешение и превращение одного в другое, магию слов вместо движения и развертывания понятий. Для настоящего философского спора здесь отсутствует почва, поэтому в арсенале «уклонистов» остаются только запас необоснованных обвинений в адрес служащих Богу и по существу готовых протянуть руку помощи обвинителям. Вот здесь, пожалуй, уже можно высказать основное суждение о том, что значит для нас Гегель сегодня. Именно философия Гегеля есть образ метафизического служения Богу, а не богам, то есть образ преодоления идолопоклонства. Именно в связи с этим она представляет из себя столь строго и ответственно выстроенную систему.

Имеющееся представление об умственном провале, который образовался в процессе русской культурной катастрофы позволяет высказать здесь предположение, что наш тезис не только не убедит «неверующих» в том, что нужно соотносить свои собственные поиски истины с Гегелем, но напротив, даст им дополнительные аргументы для того, чтобы не обращаться к нему. Ведь «бога

нет», стало быть, Гегель служил несуществующему господину. Но такое полное вынесение Гегеля за скобки способно только усугубить наше нынешнее положение и лишить последней надежды на возвращение настоящих интеллектуальных ориентиров. В пользу такого утверждения говорит тот факт, что в самой, наверное, лучшей книге о Гегеле из написанных в России, является работа И.А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», где Гегель рассматривается именно как философ будущего, благодаря чему его философия становится философией надежды. Характеризуя в предисловии к своей книге гегелевскую философию в целом и её значение для современности, И.А. Ильин пишет, что «одно тяготение современной мысли к его учению является само по себе указанием того, что ей необходимо что-то большее, чем то, что питало её доселе. Та особливая осторожность, воздержанность и мнительность, которыми характеризуется философствование последних пятидесяти лет, должна смениться в недалёком будущем большей уверенностью в своих силах, умением и желанием брать на себя вину и ответственность самостоятельного и непосредственного познания. Беды и страдания, пережитые человечеством за последние годы, пробудят в душах неискоренимую потребность в творческом, предметном пересмотре всех духовных основ современной культуры, и философия должна будет удовлетворять этому духовному голоду. Она должна будет вновь найти доступ к научному знанию о сущности Бога и человека.. И в этом отношении влияние Гегеля с такой силой и настойчивостью противопоставлявшего объективизм и очевидность философского знания субъективной уверенности, произволу и усмотрению, может оказаться воспитывающим сразу и в сторону большего, интуитивно-мыслящего дерзания, и в сторону большего познавательного отречения субъекта от себя, от своего эмпирического самочувствия, своих расплывчатых субъективных представлений и мнимых «откровений», не поддающихся предметному оправданию.

Философское значение гегельянства не в том, чтобы ученичествовать, но в том, чтобы учиться самостоятельному и предметному знанию о самом главном, что есть в жизни человека»². Поразительно насколько современно звучат слова И.А. Ильина, сказанные в книге, которая вышла в 1918гг.

Здесь нужно оговориться, что конечно же и сами «неверующие» или находящиеся по словам И.А. Ильина во власти «эмпирического самочувствия» не часто решаются категорически отрицать какие бы –то ни было философские достоинства мысли великого философа. Всё дело сводится к праву не обращаться к Гегелю или истолковывать его философию как некое произвольное, искусственное построение, в котором наличествует много полезных мыслительных приспособлений, но вот сам предмет мысли, действительно малопонятен, ибо, что есть этот Абсолютный дух в переводе на человеческий язык сказать совершенно невозможно. Таким образом, когда-то сам К. Маркс заимствовал у Гегеля его «диалектику», объявив всё остальное содержание гегелевской философии бесполезной шелухой. Но подобная интерпретация есть лишь человеческая хитрость, волевое уклонение от необходимости услышать то, что Гегель говорит от собственного лица и что является реальным предметом его, Гегеля собственного исследования.

---

² Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. в России, СПб. 1994, С.22.

Если для колеблющегося, неуверенного, пребывающего в «расплывчатых субъективных настроениях» и в общем-то извращённого сознания Бог есть непостижимая и чуждая такому сознанию реальность, то для Гегеля бытие Божие есть высшая действительность, которая и позволяет выстроить систему абсолютной философии, так как сама является абсолютной в первоисточке. Если даже сегодня Гегеля нельзя никуда задвинуть и объявить «как бы несуществующим», то это значит, что мы сталкиваемся в его системе с одним из сильнейших свидетельств бытия Божия, пробивающих силой своей мысли препятствия, создаваемые бесчестным и уклончивым сознанием. Потому Гегель как человек, учащий о Боге находится в гораздо более свободной и устойчивой позиции, нежели человек, говорящий о человеке, т.е. о самом себе вне должной дистанции по отношению к самому себе и не имеющий поэтому возможности что-то в себе разглядеть.

Учение Гегеля, подчёркивает в той же своей замечательной книге И. А Ильин, - состоит в том, что «*Понятие*, открывающееся спекулятивной мысли, есть само Божество и что оно есть единственная реальность. Эта концепция лежит в основе всего того, что он признавал и исповедывал; она составляет как бы спекулятивную всеобщность всех его утверждений

Сколь бы парадоксальной ни показалась эта концепция постороннему взгляду, она должна быть принята и продумана с величайшею напряжённою серьёзностью. Вне этого-понимание философии Гегеля невозможно, а критика, направленная против неё беспредметна. Отвергающий должен сначала овладеть отвергаемым, а если овладеет, то убедится, что внутренние затруднения этой концепции имеют классический характер и что они сосредоточивают в себе живые нити всех великих в истории философов. Он увидит также, как эти затруднения, порождённые учением о сущности Божества, раскрываются в учении о пути Божиим»³. Книга И.А. Ильина, повторим была написана в 1918 г., но совершенно невозможно утверждать, что она сегодня хотя бы в чём-то устарела. Это и не удивительно, ведь в последующие годы власть над печатным и устным словом в России захватили те «Отвергающие», которые совершенно не овладели отвергаемым, а просто наложили запрет на его настоящее прочтение и интерпретацию. Поскольку и сегодня этот человеческий тип чувствует себя вполне комфортно и является законодателем философской, точнее псевдофилософской моды, то слова А.И. Ильина и звучат вполне актуально.

Пройти мимо философии Гегеля, значит пройти мимо свидетельства Истины и истины вполне определённого рода, не услышать мощного голоса, который невозможно перекричать. Конечно же, философия Гегеля не является доказательством бытия Божия в обычном логико-метафизическом смысле, доказательством из числа тех, что носят дискурсивный характер. Здесь важна в первую очередь величайшая интуиция Гегеля, согласно которой, только говоря о Боге, можно именно свидетельствовать подлинную жизненность, настоящее бытие мысли как особой реальности. С точки зрения Гегеля творческая мысль, на что указывает Ильин, (мы не сможем более не обращаться к нему) есть «самостоятельное сверхчеловеческое начало, которое сознательно мыслит-созерцает-творит себя, живой смысл как перво-реальность»⁴.

---

³ Там же. С. 160-161.

⁴ Там же. 84-85.

Вся книга И.А. Ильина буквально пронизана подобными определениями, хотя она не является апологетической по отношению к Гегелю. Всё дело-то как раз в том, что И.А. Ильин отнюдь не гегельянец в обычном смысле и его позиция в отношении Гегеля является вполне самостоятельной. Более того, именно эта самостоятельность и даёт ему возможность по настоящему восхититься духом гегелевской философии. От подражателя или апологета этот дух как раз сокрыт. Ведь наполниться им, воспроизвести его в себе подражатель не смог бы. В такого рода гегельянце настоящий Гегель неизбежно бы исчез, если этот гегельянец в то же время не претендует на собственное слово и не обладает настоящим философским умом, позволяющим разглядеть философские достоинства Гегеля. И.А. Ильину удалось то, чего не смог до него в России по отношению к Гегелю сделать почти никто, найти нужную дистанцию в отношении гегелевской философии и в то же время не потерять вследствие набора такой дистанции самого предмета, ощущения того, что Гегель говорит «о самом главном, что есть в жизни человека», подлинного жизненного содержания гегелевской мысли.

И. А. Ильин прекрасно понимает, что Гегель говорит именно о Боге и это происходит не только потому, что сам Гегель декларирует предмет своего исследования. Сам И.А.Ильин чувствует своей живой душой, что Гегель говорит о Боге, знает это как бы помимо собственных заверений Гегеля на основании содержательных ходов его мысли. Нет, в книге И.А. Ильина мы найдём и серьёзную критику Гегеля, повторим, что И.А. Ильин отнюдь не гегельянец в оговорённом выше смысле. Однако, когда, рассказывая о немецком философе и излагая его точку зрения, он пишет, что «Бог есть живой Смысл: и кроме этого живого Смысла нет вообще ничего;», то становится ясно: И. А.Ильин понимает, что здесь, как и в других местах о Боге Гегелем сказано нечто чрезвычайно важное. Сказано то, что уже нельзя игнорировать и забыть тому, кто собирается богословствовать дальше. Бог присутствует в собственно сознании И.А. Ильина как некое исходное переживание, как реальность духовного опыта и автор книги видит соотносимость Гегелевской мысли с этой реальностью и тем самым возможность говорить об интеллектуальном Откровении Бога без кавычек или хотя бы частично без кавычек.

Насколько это редкий дар понимания Гегеля можно судить по характеру отношения к немецкому философу в истории русской мысли. В большинстве случаев оно было иным, нежели мы находим его у И.А.Ильина. Обратимся к ещё одной «современной» для нас фигуре, А.И. Герцену. Мы называем его так потому, что сегодня он для многих публицистов и историков является образцом того, каким мог быть свободный человек в России в 19 веке, его имя по-прежнему присутствует в названии одного из крупнейших педагогических ВУЗов, а в истории русской философии его без всякого сомнения относят к числу её наиболее крупных представителей. То есть А.И. Герцен представляет из себя как раз то прошлое, без упоминания о котором немислим многими разговор о настоящем, тем он и современен, имеет отношение к тому самому «сегодняшнему дню», который фигурирует в названии нашей статьи.

В «Былом и думах» мы найдём также достаточно известную оценку А.И. Герценом философии Гегеля, распадающуюся на два пункта. В первом отмечается её сильная и актуальная сторона, во втором то, что уже не востребовано в наступившую эпоху и вряд ли будет актуально когда-либо в будущем. Уделим главное внимание первому, как свидетельствующему о том, что А.И. Герцен не понял в гегелевской системе самого главного, оказался в отношении Гегеля на той

самой дистанции, когда предмет высказывания теряет для говорящего свои ясные очертания. Вот этот фрагмент: «Когда я привык к языку Гегеля и овладел его методой, я стал разглядывать, что Гегель гораздо ближе к нашему воззрению, чем к воззрению своих последователей, таков он в первых сочинениях, таков везде, где его гений закусывал удила и нёсся вперёд, забывая «бранденбургские ворота». Философия Гегеля- алгебра революции, она необыкновенно освобождает человека и не оставляет камня на камне от мира христианского, от мира преданий, переживших себя»⁵. Это высказывание само по себе очень показательное и не нуждается в ссылках на контекст. А.И. Герцен выражается очень определённо. Всё дело здесь, в пресловутой гегелевской «методе». Пресловутой в том смысле, что ею пытались и ещё пытаются овладеть как таковой, так сказать в чистом виде. Хорошо сказано А.И. Герценом, что он «привык к языку Гегеля», но с методом дело обстоит сложнее и здесь наш революционный демократ явно дал маху.

Мы не хотим опять-таки упрекнуть А.И. Герцена, что он не сумел этой «методей» овладеть или недостаточно овладел. Дело в том, что соотноситься с гегелевским методом помимо предмета в системе гегелевской философии вообще невозможно. Метод есть нечто совершенно неотделимое от того, что с помощью этого метода мыслится, точнее внутри этого метода мыслится. Но будь Герцен знаком с предметом философии Гегеля, он никогда не употребил бы бессмысленного выражения, что диалектика Гегеля, т.е. тот самый метод «не оставляет камня на камне от мира христианского. Ведь её настоящим предметом мог быть только и исключительно христианский мир. Разрушая его, диалектика уничтожила бы и самоё себя. Природа диалектики как гегелевского метода исключительно духовна. Только в таком случае с её помощью достигим некий результат, только тогда она способна сохранить свой собственный предмет как целое, при том растущее, саморазвивающееся или живое целое. Метод Гегеля работает только тогда, когда душой его является Бог. Если не дух движет понятием, сохраняет единство понятий в системе, то тогда что же?

А.И. Герцен проговаривается в собственной метафоре на этот счёт. Жизненность метода по Герцену состоит в том, чтобы нестись вперёд, «закусив удила». Гений мысли чем-то напоминает здесь молодого жеребца, не особенно слушающегося хозяина. Да, нестись вперёд, преодолевать препятствия, не оставлять камня на камне от того, благодаря чему ты и скачешь- вот дело гегелевского метода по А. И Герцену. Но зачем называть такое поведение гегелевским методом. Это какой-то порыв мировой воли, с которой по недомыслию солидаризуется в своих поступках человек. Или только потому, что не прозвучало ещё предупреждение А. Шопенгауэра? По времени- да, но разве и так не понятно, что если некое действие не имеет своих оснований в Духе, то оно представляет из себя только чистое «хочу», негацию всякой определённости. Степная кобылица летит вперёд не имея цели. Как будто на горизонте скачки в варианте А.И. Герцена вырисовывается социализм. Но выпустив кобылицу на волю, нельзя надеется, что она заинтересуется этой бледной, не обещающей никакого питания утопией и прервёт только и занимающую её скачку.

Здесь впору говорить скорее об инстинктах, о ничем не сдерживаемой устремлённости воли или о могучем напоре того самого бессмысленного и беспощадного русского бунта, нежели о приёмах гегелевской логики. А.И. Герцен совершенно незаконно утверждает, что он здесь чем-то «овладел». Ведь будь так,

---

⁵ Герцен А.И. Былое и думы, Часть 4-5, М., 1967, С.16.

он не бросил бы звучной, но одновременно совершенно бессмысленной фразы о гегелевской диалектике как «алгебре революции». У революции нет ни алгебры, ни даже простой арифметики. Революция есть нечто свершаемое помимо и вопреки всякой науке и всякой мысли. Революция ничего не может рассчитать и взвесить. Она может только «свершаться», т.е. обрушивать не «старый мир», а мир как таковой, ибо на самом деле она враждебна не какому-то миру, а мироустройству вообще. Мироустройство восстанавливается на том уровне, на который успела обрушить его свершившаяся и угасшая затем революция. Но мы всегда имеем здесь дело с понижением жизненного уровня, с чем-то сходным, с тем, что К. Леонтьев называл «вторичным упрощением». Во Франции такое восстановление стабильного состояния произошло после известных событий довольно скоро, хотя эта была уже Франция много потерявшая в культурном отношении по сравнению с прежней, Франция обречённая на хроническую «левую болезнь». В России же разрушительные процессы длятся до сих пор и мироустройства не складывается даже на самом начальном уровне.

Нельзя сказать, что после революции в Европе устанавливается миропорядок, в котором современный человек не нашёл бы для себя ничего привлекательного. Нет, здесь можно увидеть и больший доступ различных слоёв населения к власти и к материальным благам, которых они были лишены. На низших этажах мира появляется то, что прежде было доступно только для верхних. Но дело в том, что вместе с тем исчезают и эти самые верхние этажи и те драгоценные вещи, которые на них находились. Происходит убыль с точки зрения смысла, того, что Гегель называл абсолютным содержанием Понятия. Жизнь становится ровнее, но тем самым из её ландшафта исчезают вершины. Потому, не смотря на свою кажущуюся неуёмную жизненность, революция представляет из себя в этом смысле чистую стихию смерти. Она только разламывает и разрушает, пока не доберётся до чего-то устойчивого, но лежащего гораздо ниже уровня, с которого революция началась. Если бы А.И.Герцен хотя бы что-то понял у Гегеля из настоящего главного, понял то, что прекрасно понял И.А. Ильин, он навсегда отказался бы от своей революционности. Правда, кажется, что скорее, как только такое понимание начало бы в нём просыпаться, он тут же в испуге отложил бы книги философа. Гегель опасен для всякого авантюриста, так как авантюрное поведение не совместимо с продуманностью значения и последствий совершаемых поступков и отстаиваемых идей. Под идеей здесь подразумевается не то, что идёт от смысла, а нечто способное захватить сознания и не подвластное критике, так сознание уже оказалось им захваченным.

Настоящая жизненность имеет духовную природу и может корениться только в Духе. Дух же не связан ни с каким завершённым в себе и стало быть не духовным в своей сущности феноменом. Именно такой не духовный феномен, чистый факт, голую объективность и мыслит А.И. Герцен, употребляя выражение «христианский мир». Но христианский мир не завершён в качестве объекта. принципиально уже потому, что он «христианский». Герцен совершенно не понимает, что может существовать христианский опыт, выраженный философски и именно с таким опытом он оказался лицом к лицу в случае с Гегелем. Никакой «методы» в чистом виде или оторванной от предмета здесь извлечь оказывается невозможным. Диалектика нигде не сохранит своего смысла, кроме как в гегелевской системе как системе, выражающей духовное содержание, полноту смысла. Если говорить о современном прочтении Гегеля, то эта «неразъёмность» его системы ни в коем случае не должна быть упущена из внимания. Никаких переходов и связей

понятий, никаких снятий и синтезов не существует, если в главной основе мысли мы не будем видеть Божественного начала. Миф о способности гегелевской диалектики быть универсальным методом, выходящим за пределы той предметной области, которую обозначил сам Гегель должен быть разрушен.

Мы ссылались на работу И.А. Ильина, когда начали говорить об этом тождестве метода и предмета применительно к гегелевской системе. Но та же мысль быть поддержана и ссылкой на высказывание В.С. Соловьёва в его статье о Гегеле для энциклопедического словаря Брокгауза. «Глубокая оригинальность Гегелевой философии,- отмечает В.С. Соловьёв, особенность, свойственная исключительно её одной, состоит в полном тождестве её методы с самим Содержанием. Метода есть диалектический процесс саморазвивающегося понятия, и содержание есть этот же самый диалектический процесс- и больше ничего. Изю всех умообразительных систем только в одном гегельянстве абсолютная истина или идея не есть только предмет или содержание, но сама форма философии⁶. Но вот что интересно, говоря в самом конце статьи о философских просчётах Гегеля, В.С. Соловьёв вменяет ему в вину нечувствительность к историческому значению будущего и даже отчасти уже настоящего, переживавшегося самим Гегелем. «Но можно было по праву ожидать, что Гегелева философия истории оставит место для будущего, особенно для будущего развития таких явлений, важность которых отчасти уже обозначилась при жизни философа. Но в то время как современник Гегеля граф Красинский, силой поэтического вдохновения предугадал и с поразительной точностью и яркостью нарисовал картину Парижской коммуны и нынешнего анархизма (в своей «Небожественной комедии»), в философии истории Гегеля не оставлено места ни для социализма, ни для национальных движений нынешнего века, ни для России и славянства как исторической силы. По Гегелю, история окончательно замыкается на установления бюргерско-бюрократических порядков в Пруссии Фридриха- Вильгельма III, обеспечивавших содержание философа, а через то и реализацию содержания абсолютной философии.»⁷

В самом конце сказанного здесь о Гегеле В.С. Соловьёв явно иронизирует и забавляется, намекая на то самое гегелевское «филистерство», о котором говорили многие, кому удалось «возвыситься» над «немецким идеалистом». Конечно, грандиозный и нескончаемый процесс истории, науки о которой до того верно служил Гегель, и тут же прославление и возвышение государства и государственного деятеля, которого «даже» великим назвать нельзя, а причислить его правление к высшей стадией исторического процесса совсем уже странно. Иначе, как частной заинтересованностью стареющего Гегеля дела здесь не объяснишь. Но на самом деле всё выглядит не так уж забавно и более того, совсем не забавно. Кстати, поздним Гегелем был недоволен и А. И. Герцен. С его точки зрения тот же возраст явно сказался на его философских интересах. «Гегель во время своего профессорства в Берлине, долею от старости, а вдвое от довольства местом и почётом, намеренно взвинтил свою философию над земным уровнем и держался в среде, где все современные интересы и страсти становятся довольно безразличны, как здания и сёла с воздушного шара; он не любил зацепляться за эти проклятые практические вопросы, с которыми трудно ладить и на которые нужно

---

⁶Соловьёв В.С. Соч. 2т., Т. 2. М., 1988. С.430.

⁷ Там же. С440

отвечать положительно...»⁸. Настоящий Гегель был тот скромный профессор в Йене, друг Гёрдерлина, который спас под полой свою «Феноменологию», когда Наполеон входил в город; тогда его философия не вела ни к индийскому квиетизму, ни к оправданию существующих гражданских форм, ни к прусскому христианству; тогда он не читал своих лекций о философии религии, а писал гениальные вещи, вроде статьи «о палаче и о смертной казни», напечатанной в Розенкранцевой биографии.

Если уж вообще говорить о забавном, то забавляет здесь скорее сам «барский» тон А.И. Герцена. Как будто пишет он о своём соседе в деревне, который был когда-то молодцом, а к старости начал чудачить. Как будто бы речь идёт не о великих событиях и идеях, а об случае частной жизни человека. «Не плохие вещицы пописывал, да вот...»

Не знаю, можно ли вменить в вину и А.И. Герцену и В.С. Соловьёву, что они не усмотрели тех серьёзных и важных вещей, которые стоят за «недостатками» гегелевской философии, но сегодня их наличие становится очевидным. Первое, чем можно ответить на упрёк В.С. Соловьёва, так это то, что ведь Гегель писал философию истории, а не историю в привычном смысле. Писать историю Европы 19 века и не упомянуть о социализме, конечно нельзя, но если писать философию истории, то вполне можно. Потому, что ни социализм, ни анархизм, ни Парижская коммуна, которую Гегель должен был бы с точки зрения В.С. Соловьёва предчувствовать в философию истории не вписываются. Не вписываются так как они не принадлежат ни Богу, ни миру Божьему. Они не интересны для Духа, который может удержать свою абсолютность, смело жертвуя и Парижской коммуной и национальными движениями. Социализм принадлежит истории как собранию фактов, но не истории как проявлению жизни Духа.

И происходит это потому, что социализм относится к сфере того самого «вторичного упрощения», что он не обогащает, а обедняет конкретное содержание понятия. Не случайно социализмом как философской темой занимались умы не глубокие и не привлекающие к результатам их работы настоящего метафизического интереса. Социализм находится за пределами мира Божьего, потому, уже упоминаемый нами К.Н. Леонтьев с его духовной чувствительностью так протестовал против всякого «розового христианства», всяких проектов христианского социализма. Что же касается национального вопроса, то при всей своей политической важности опять-таки с содержательной точки зрения он, будучи очищен от государственно-культурной почвы, оказывается невероятно скучным. Дух нации вещь великая, но ведь именно как дух, а не совокупность этнических и антропологических признаков. Изобилие такого рода фактуры оказывается за пределами гегелевской системы, но это вовсе не свидетельствует о её несовершенстве. Напротив, именно исключённость социализма, анархизма и проч из философии истории говорит о том, что произошло некое великое расщепление времени, о том, что эпоха Духа в истории закончилась, обозначилась граница мира Божьего, и в эти границы ещё успела попасть современная Гегелю Пруссия.

Это отнюдь не значит, что мир теперь научается жить без Бога, просто всё существенно меняется, связь Бога и мира перестаёт быть областью понятия, формой системы, именно той системы, которая в своём освобождённом от эмпирии виде была представлена в «Науке логики». «Сова Минервы вылетает в

---

⁸ Герцен А. И. Указ соч. С. 14.

полночь» –ключевая мысль гегелевской философии, высказанная им как раз во время «оправдания существующих гражданских форм». Эта полночь наступила и прежний мир завершился в своём значении единой истории как Пути Божьего. И вектор настоящей духовной, а не эмпирической только новизны и осуществлённости понятия переместился в область эстетики и философии религии. Постарел вовсе не Гегель, постарел мир, где всё большее значение стали играть очень заметные по своей величине, но случайные вещи, не подлежащие по существу, не смотря на литературные успехи графа Красинского, включению в единое осмысленное целое. И социализм и анархизм и национализм по существу, то есть с точки зрения смысла истории, есть не восходящие, а нисходящие потоки, относящиеся ко «вторичному упрощению». Если им, предположим, даже принадлежит будущее, по крайней мере наше настоящее им уж точно принадлежит хотя бы потому, что эти темы постоянно являются предметом публичных обсуждений, то это ни на йоту не прибавляет им смысла и онтологического содержания.

Что уж точно удалось сделать Гегелю, так это обозначить границы мира Божьего в мысли. Только благодаря этому его система и приобрела вид связного целого, то есть вошла в соответствие с её понятием. Снова подчеркнём, что без раскрытия теологической подоплёки т.н. диалектика теряет всякое значение и применение. То, что мы назвали восходящим потоком, восходит не к неизвестной точке, воображаемой в абстракции будущего времени, а к абсолютному смыслу, носителем которого является Бог. Если такое движение есть, то тогда и возможно говорить о взаимосвязи и развитии, ощущать происходящее как наполненное жизнью событие. Как только жизненная вершина и перспектива, выраженная в понятии Бога исчезает, то никакая по настоящему осмысленная связь и по настоящему осмысленное развитие оказываются уже не возможными. Новые понятия, помысленные в качестве предельных, будут всегда давать сбой или требовать своего признания как лишённые подлинной онтологии, имеющих лишь субъективное значение.

Таков был приговор, вынесенный сущему А. Шупенгауэром, первый тезис его философии: «Мир есть моё представление» явно говорит о бытийной неполноте мира. Второй: «Мир есть моя воля» не только не снимает нигилистической угрозы первого, но усугубляет её. Всякие связи в мире, всякие научные концепции в конечном счёте оказывались лишь видимостью, так как за ними не обнаруживалось никакого онтологического основания. Показательно, что и мир в своём существе объявляется А. Шопенгауэром именно представлением, а не понятием, так как представление, о чём говорил и сам Гегель не даёт настоящего знания о подлинной природе представляемого. Я могу представлять нечто, о чём по существу у меня нет никакого понятия. Не случайно ничего подобного гегелевской философии истории и гегелевской системе вообще в Европе после Гегеля создано не было. Не было именно вследствие не малоталантливости, здесь, напротив, встречаются очень сильные умы а секулярности большинства будущих мыслителей. Распад, разъединение исторических событий, притом окончательное и бесповоротное признаётся наиболее заметными из них. Случаи же единство же объявляется исключительно локальными и образованными по образцу органической жизни. Достаточно привести здесь пример О. Шпенглера.

Всё это, повторим, не случайно, так как образ подлинного единства оказывается удалённым с первого плана, мир представляется уже не как мир Божий, а как богооставленный мир, который должен теперь как–то

самообустроить или, сохраняя воспоминания о прошлом, осмыслять себя с помощью подручного материала. От мира Божьего тогда остаются только не созданные человеком предметы, физические тела, растения и организмы. По их «лекалам» и остаётся кроить теории, если пытаться говорить о каком-то смысле. Они как бы и ниспосылаются нам одни как проводники к Божьему миру. За всё же остальное, т.е. созданное человеком, он несёт ответственность сам и производит это сам, потому что содеянное им же он не может поверять результатами других своих деяний.

В пределах мира Божьего всё выглядит по другому. Пруссия Фридриха-Вильгельма III, любовью к которой не раз попрекали Гегеля не была только местом установления и всяческого сбережения «бюргерско-бюрократических порядков». Пруссия, скажем, ещё и наряду с другими германскими государствами страна немецких городов, образующих определённый вид пространства, бесспорно с этими бюргерско-бюрократическими порядками связанного, но демонстрирующего также смыслы самого высокого порядка.

Очертания такого города вырисовывают некую целостность схождения храмов, дворцов, стен, улиц и площадей. Нечто не только выстроенное на плоскости, но также устремлённое и ввысь, к небу. Кровли и колокольни церквей, тянущиеся вверх предполагают, что это движение будет замечено и свыше. От того небо над куполом уже совсем другое небо, нежели небо над плоским завершением небоскрёба. В первом случае твердь тоже представляется куполом, объёмлющим человеческое жильё, дающим перспективу его здешней жизни, связующим горнее и дольнее. Здесь небо спускается на Землю, а земля восходит к небесам. Но земное всё же не небесное, от того местные порядки здесь поддерживаются не только силой свыше, но и бюрократическими установлениями, порой кажущимися излишне докучливыми и даже, возможно, нелепыми. Но от их отмены, почему-то не становится лучше и они как-то связаны с теми самыми восходящими к высшему смыслу потоками, о которых говорилось выше

Немецкие города того времени- это образы мира Божьего, мира, где высокое встречается с низким, часто грубым, но материально-основательным. Но ведь и вся система Гегеля, где такой мир переведён в форму понятий не представляет из себя некоей идиллии, где все цели Духа осуществлены при полном отсутствии сопротивления со стороны материи и даже её побед в этой брани. Обратимся ещё раз к книге И.А. Ильина, который не требует от Гегеля того, на что человеческий разум вообще в силах претендовать, не говорит о том, чего философу «не удалось», а раскрывает высочайший уровень достигнутого, соседствующий с объективной неосуществлённостью Понятия в реальности «*Мир совмещает в себе силу спекулятивной мысли и чувственно-эмпирическую стихию*»- вот тезис, который надлежит раскрыть Гегелю⁹. И далее, «его указания на то, что «всё-таки» Понятие имеет дело только с собою, остаётся философски не оправданным, религиозным постулатом и напрасно пытается скрыть за спинозианскую видимость платонический дуализм.». Как видим, И.А. Ильин действительно отнюдь не безропотный ученик Гегеля и прекрасно видит «трещины» его системы. Но вот что удивительно, не будучи гегельянцем, зная, что у Гегеля, что называется концы не сходятся с концами, он продолжает принимать гегелевскую систему как нечто заслуживающее полного признания и уважения. Это после того, как Гегеля в

---

⁹ Ильин И.А. Указ соч., С.218.

Европе не критиковал и даже не выругивал разве только ленивый, и соотечественники И.А. Ильина здесь нисколько не отстали. И. А. Ильин понимает, что при всех трудностях и неосуществимостях соединения спекулятивного с эмпирическим наиважнейшим остаётся само удержание осмысленности и напряжённости, неисчерпаемого богатства жизни, которая присутствует в системе Гегеля. Противоречия непреодолимы окончательно, но они актуально постоянно философски преодолеваются.

От того прошлое никогда не отпадает от настоящего, не становится завершённым и как бы отсутствующим, но всегда остаётся действительным, эмпирическое тоже никогда не отвергается полностью, но всегда принимается в той части, в которой спекулятивное удерживает напряжённое отношение с ним. «Отсюда ясно, что «мировой образ» не есть идеал, если разуметь под идеалом то, что должно быть, но на самом деле не осуществляется. И точно так же мировой образ не есть «реальность», если разуметь под «реальностью» то, что хотя эмпирически и осуществилось, но что не должно быть, или *могло бы и не быть*. «Мировой образ» есть ни то, ни другое; но и то и другое вместе и сразу... Мировой образ есть спекулятивно- необходимое событие; осуществление духовной победы; идеальное достижение в мире; нечто «реальное» и в то же время «существующее», т.е. действительное»¹⁰.

Итак, И. А. Ильин не спешит расстаться с Гегелем на наш взгляд именно из тех соображений, что философия Гегеля есть подлинная философия жизни, выраженная в системе понятий, возводящей нас к единственно возможному смыслу, который одновременно и есть сама жизнь, а не «смысл жизни». Глядя на изображения тех же немецких городов на картинах Конолетто или прогуливаясь и сегодня по их историческому центру мы восхищаемся засвидетельствованной в них жизни и начинаем дышать полной грудью сами, видеть купол неба, а не просто небо в качестве пустого пространства. Так и читая Гегеля мы получаем те же впечатления изнутри. Памятники бюргерской бюрократии и её философское оправдание вдруг становится дорогой к свободе. Правда ещё раз следует оговориться, что все трудности эмпирической реальности сами по себе никуда не исчезают и не снимаются как изначально подчинённые идее.

Слово «дуализм» здесь употребляется И.А.Ильиным не случайно, эмпирическая реальность самобытна и не готова уступить своё место по первому требованию Понятия. Но надо подчеркнуть, что это дуализм совершенно иного рода, нежели тот, где стороны дуального соотношения пребывают в полном безразличии друг к другу или дополняют друг друга в спокойном взаимопребывании. Это не дуализм, охотно готовый быть признанным ленивым умом, излюбленное выражение которого: «и то и другое одинаково верно». Нет, это дуализм, существующий не как основа примирения сторон, а как предпосылка снятия одной и победы другой. Конечно же той стороны, на чьей территории пребывает Истина. Притом, ещё раз отметим, противоположная сторона снимается не в смысле своего исчезновения и прекращения собственного действия, а в смысле обнаружения её бессмыслицы, разрыва с бытием. Жизненные трудности не уходят от человека, хаос не преодолевается космосом до уровня полного исчезновения первого. Просто спекулятивный момент перебарывает, духовно преодолевает неспекулятивный внутри самого себя и тем самым делает это своё бытие

---

¹⁰ Там же. С.237.

чрезвычайно устойчивым. Иными словами образ мира продолжает сохраняться как единое целое, не смотря на наличие внутри него противодействующих элементов. Не смотря на пожары, эпидемии и нападения врагов город продолжает стоять.

Конечно, наша прогулка по историческому центру немецкого города и наша радость от этой прогулки не может длиться долго. Нам не дано жить под небом-куполом, нам ближе по непосредственному мироощущению пустота пространства, которое открыта бесконечному движению в никуда. Философия Гегеля не есть философия сегодняшнего дня в том смысле, что она сама по себе позволяет построить нам собственный город. Стать гегельянцами сегодня невозможно. Более того, вопрос что такое сегодня философия вообще и есть ли настоящие предпосылки её возрождения. Но важно удержать в себе ту жизнь и то ощущение движения к Истине, которое открывает Гегель. Чтобы не стать нигилистом, нужно предпринимать постоянные паломничества в страну бытия, отдавая себе отчёт в истоках этого бытия. И делать это подобно тому как среди наших соотечественников сделал И. А. Ильин. Нужно, совершая свою собственную работу, держать фигуру Гегеля во внимании, тогда многие искушения отпадут и мы не потеряем вкуса к умственной жизни и тем самым к жизни вообще. При этом конечно, нужно постоянно помнить о предмете его размышлений, иначе может показаться, что Гегель говорит ни о чём. Тогда, когда он говорит обо всём, т.е. о Боге.

Не случайно в России, когда уже стали рваться нити, связующие их время с гегелевской эпохой и его образом мира лучшие философски мыслящие люди продолжали держаться за Гегеля. Мы уже не говорим о предшествующем поколении, о Станкевиче или Грановском, они обращались к гегелевской философии, когда её духовный потенциал как-то отражался в российской действительности. Но вот имена тех, кто остался верен Гегелю, когда «властителями дум» в Росси стали люди духовно уже совершенно убогие, типа Писарева, Н.Г.Чернышевского и других представителей русского нигилизма. Это прежде всего Страхов, Самарин, Чичерин. Особенность их в том, что они в мертвящей атмосфере просвещенства были настоящими жизнелюбами и держались за жизнь всеми силами, в чём им и помогал Гегель. Притом дорогой к жизни оказывался как раз не эмпирический, позитивистский биологизм, а спекулятивная действительность, состояния души, вызываемые внутренним движением понятия. Вот что пишет об одном представителе такого «гегельянства» - П.А. Бакунине И.И. Петрункевич:»Где бы ни был П.А., в каком бы обществе он не находился, вокруг него собиралась группа, жадно его слушавшая и почти бессознательно усваивавшая его мысли и чувства...Он любил беседу, как любил её Сократ. Он верил, что каждый человек обладает в своей бессмертной душе беспредельной возможностью познания истины, лишь бы только возбудить в человеке интерес к её познанию и дать толчок мысли в должном направлении... К ...собеседникам он умел подойти с надеждой познать эту искру, для чего надо бережно нащупать её.... Его обширные письма к этим людям, ещё не проявившим свои духовные силы, необычайно тонки и глубоко по своему духу, по возвышенности мыслей, изложенных с простотой и ясностью...»¹¹. И таких характеристик П.А. Бакунина мы можем найти множество.

А вот, что говорит сам Павел Александрович в одном из своих писем: «Глубокая философия есть сама -самая детская вера. Я признаю Гегеля своим

---

¹¹ Цит. по Чижевский Д.И. Гегель в России, СПб.,2007, С.345.

учителем и себя - его верным учеником...и верю безотчётно в Бога...потому, что вся философия не что иное, как предположение Бога, в которое все люди бессознательно верят.,<...>. Философия, которую я никогда не покидал, научила меня обожать того самого Бога, и так же просто, как и ты его обожаешь и как все люди его обожают...и исповедание этого Бога...только подтверждает моё верование в науку»¹². «Несомненно, из сократических бесед Бакунина,-пишет сам Д.И. Чижевский по поводу П.А. Бакунина выросли обе его книги «Запоздалый голос сороковых годов. По поводу женского вопроса» (1881) и «Основы веры и знания» (1886)

Обе книги как кажется, почти не нашли читателей. Несколько читателей всё же было- читателей, которыми П.А. Бакунин мог по праву гордиться: Лев Толстой, Страхов и Розанов приняли (вторую книгу Бакунина с одинаковым воодушевлением)¹³. И в то же время «Замечательная книга пришлась совершенно не ко двору своего времени. Даже и немногие, кто книгу прочли и оценили, нашли выражение своему признанию только в частных письмах»¹⁴.

Вот по существу та самая ситуация внутреннего конфликта реальности и действительности, о котором пишет И.А. Ильин применительно к гегелевской системе. Как будто бы господствует нижний слой, непросветлённое, примитивное сознание, но весь смысл и тем самым жизнь по преимуществу сосредоточены в верхнем. Мир Божий так или иначе здесь о себе заявляет, Понятие в реальности присутствует, сколько бы этот факт не замалчивали представители нижнего слоя, противозаконно занявшие господствующие позиции. И ещё вопрос, состоялась ли их победа, так как пока существуют настоящие князья, всегда понятно, кто есть не князь, а грязь. Можно с уверенностью сказать, что именно русские люди типа П.А. Бакунина, в отличие от его непутёвого брата Михаила, хотя и известного гораздо больше, составили гордость России. Жизнь всегда выше своего отрицания, даже если она только теплится или скрыта под спудом. И свидетелем такой жизни оказывается Гегель, сделавший движение понятия переживанием жизни.

Существует в русской мысли штамп, что философия Гегеля обедняет жизненную полноту, которая таится в некоем сказочном всеединстве, даже пытается подчинить себе эту полноту, совершает над ней насилие, загоняя в клетку пустых абстракций. Вполне категоричным здесь оказывается даже образованный ум Ф.А. Степуна. «Ни романтизму, ни гегельянству не удалось уйти от кантовского трансцендентального формализма, пишет он, -в сторону более живого познания абсолюта, как начала конкретной и целостной оформленности. Романтизм не пошёл далее организации всех форм творчества в перспективе той романтической хаотичности, которая, быть может, и жива предчувствием целостности, но не ведёт к ней.

А гегельянство, если и осилило это начало, так только в его одностороннем отражении, только в его философском аспекте. Ибо отождествление мысли и жизни, логики и метафизики, конечного и бесконечного, которым Гегель думал освободиться от характера «аспектности» своей философии и превратить логическую форму абсолютного в метафизически оформленный абсолют, не могло, конечно скрыть от критического взора истории одностороннего и насильственного

---

¹² Там же .С.348.

¹³ Там же. С.349.

¹⁴ Там же. С.350.

характера его учения»¹⁵. Но вот давайте зададимся простым вопросом и попытаемся ответить, что называется навскидку, в чём творчестве больше жизни, в творчестве Гегеля, который никогда не выходил за пределы спора мысли с самой собой в пределах чистых понятий или критика Гегеля В.С. Соловьёва, который никогда не достигал в своей философии напряжённости и активности такого спора? В.С. Соловьёв отдавал все преимущества жизненного поиска мистике, притом такой мистике, которая не давала ответов на рационально-внятные вопросы. Казалось бы последний путь более надёжен, ведь что такое логически определённое и тем самым стеснённое границами понятие по сравнению с таинственным видением, уводящим к высшему и несказанному. «Дева радужных ворот» кажется куда более грандиозной реальностью, нежели странное тождество бытия и ничто, мыслимое в системе логических построений. Она то уж не потерпит никакого насилия над кроющимся в её таинственном образе всеединством, не сократит влекущую к себе бесконечность до противоречия в природе абсолюта.

Не вдаваясь в существо проблемы рискнём вслед за К.Н. Леонтьевым сказать одно: Жизнь существует как раз только там, где присутствует «деспотизм формы». Применительно к Гегелю он реализуется именно в дедукции понятий, спекулятивной дедукции, где мысли приходится бороться с собой и рождать в этой борьбе новые понятия именно вследствие «деспотической» определённости противоположных понятий. Встречать их с самими собой и между собой оказывается под силу только тому, кто надёлен благодатным даром жизни и стремится его воплотить и умножить. В конечном итоге жизнь противостоит смерти именно в силу определённости, динамичности и «деспотичности» своих форм. Статуи «оживают» под резцом скульптора только в результате насилия над первоначальным материалом. Но в этом «насилии» только и проявляется сущность творчества, неотрывного от любви и свободы. Созерцание же запредельного только завораживает и обезоруживает совершающего труд мысли. Предмет видений В.С. Соловьёва существуют скорее по ту сторону жизни и смерти. Они не подчиняются границам рационального потому, что жизнь в них как раз примирилась со смертью. Следы этих видений можно найти скорее в странном сиянии неба над плоскими крышами современных гигантских многоэтажных зданий, чем на небесном куполе, покрывающем старые немецкие города. И речь здесь идёт отнюдь не о ностальгии.

Экзистенциализм на Западе не менее, нежели русская религиозная мысль так хотел освободить человека от гегелевских «постромков», так не смирялся с любым диктатом всеобщего над единичным, что в конце концов эта борьба за человеческую свободу привела к полной потерянности и растерянности претендующего на неё. Сегодня Гегель должен быть истолкован как представитель подлинной философии жизни, жизни в самом прямом её смысле, а не термина, подчинённого абстракциям воли к власти, жизненного порыва или бытия, как понимает его М. Хайдеггер. В конце концов, если конкретизировать нашу задачу и попытаться сделать её выполнимой, можно просто вступить в осторожную и предельно продуманную полемику с одной мыслью человека, могущего быть признанным в России последних двух десятилетий в качестве умно и добросовестно философствующего. Философствующего в общем-то при отсутствии достойного окружения, что всегда возлагает на мыслителя дополнительные трудности. Под интересующей нас мыслью мы имеем ввиду

---

¹⁵ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. // Русские философы, М.1994, С.144-145.

следующее высказывание В.В. Бибихина по поводу философии М. Хайдеггера: «Философия живого духа, деятельной любви, благоговейной богоотданности, она стоит перед великой задачей принципиального размежевания с могучей, по полноте, по богатству переживания и понятийному творчеству, системой исторического мировоззрения, которая вобрала в себя всю прежнюю фундаментальную проблематику, - с Гегелем¹⁶. Комментарий к подобного рода высказываниям необходим. Ведь возможно, что поиски деятельной любви могут повести нас в совсем другом направлении и размежеваться здесь с Гегелем совсем не обязательно.

---

¹⁶ Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер, М. 2009, С. 94.